

Ю. П. Аверкиева

ЭТНОГРАФИЯ И КУЛЬТУРНАЯ/СОЦИАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ НА ЗАПАДЕ

Этнографическая наука зарождалась на Западе как некая универсальная наука о человеке: этнография, антропология, археология, психология и лингвистика мыслились как ее части. В первой половине XIX в. эта всеобщая наука о человеке носила название «этнологии». В 1839 г. было основано первое в истории этнографической науки Запада Этнологическое общество в Париже, затем в 1842 г. последовала организация Этнологического общества в Нью-Йорке, а в 1843 г. было создано Этнологическое общество в Лондоне. В учредительных программах этих обществ этнология определялась и широко, как наука о человеке вообще, и более узко, как наука о расах. Последнее понимание этнологии сохранилось и до наших дней в Индии.

Начало проникновения в науку термина «антропология» связано с расколом в Лондонском Этнологическом обществе и созданием в 1863 г. отделившимися от него учеными «Антропологического общества». Причиной раскола явились разногласия по поводу отношения к рабству. Этнотологи выступали против рабства с критикой расистских взглядов антропологов, оправдывавших рабство. Но в конце концов в 1871 г. все же произошло слияние двух обществ в «Антропологический институт Великобритании и Ирландии». Так упрочилось понимание антропологии как науки о физическом строении человека и его деятельности. В этом понимании термин вошел в науку США, стран Латинской Америки, стран английского содружества наций (Канады, Австралии, Индии, Пакистана, Цейлона и др.), Японии, Филиппин, Индонезии, Бельгии и Голландии.

Идейной основой понимания антропологии как универсальной науки о человеке и его деятельности является философский антропологизм, выдвигающий на передний план проблемы человеческой сущности, рассматривающий общество как производное естественных особенностей, потребностей и устремлений человека. Этот антропологизм был характерен для взглядов многих философов XVIII—XIX вв., называвших антропологией общую науку о человеке. Материалисты и идеалисты по-разному трактовали принципы антропологизма. Одни в расовых особенностях народов (антропосоциология) искали оправдание социального неравенства, рабства и эксплуатации. Другие (Спиноза, Дидро, Гольбах, Оуэн, Фейербах) придавали антропологизму революционную гуманистическую направленность, осуждая частную собственность, эксплуатацию как явления, не соответствующие человеческой сущности. Антропологизм был одной из форм преодоления идеализма материалистами домарковского периода. В этом смысле он занимал центральное место в учении Л. Фейербаха, который писал о необходимости универсальной науки об обществе — антропологии.

Основной ошибкой философского антропологизма было понимание человека как биологического существа с абстрактной извечно данной и неизменной сущностью. Марксизм, как известно, последовательно разви-

вает учение о человеке как существе общественном, о детерминированности сущности человека его общественным бытием¹.

Широкое распространение принципы философского антропологизма имеют в социологии Запада XX в. На их основе пытаются создать философскую антропологию, как некую «гуманистическую» социальную философскую систему. Эту систему пытаются противопоставить якобы «антигуманистическим» традициям марксистской философии². Наряду с этим появились попытки создания так называемой «философской антропологии марксизма», как «дополнения» к марксистскому учению об обществе³.

В англо-американской этнографической науке в XX в. идеи антропологизма особенно активно развивались по двум линиям: 1) по линии функционализма и 2) теории индивидуалистического активизма в исследованиях «культуры и личности». Они неизменно присутствовали в высказываниях тех ученых, которые стремились обосновать необходимость существования антропологии как универсальной науки о человеке⁴.

Идеи философского антропологизма проявились в спорах между учеными по поводу места антропологии среди других наук: одни относили ее к разряду естественных наук⁵, другие — к гуманитарным наукам⁶.

В США антропологию, как универсальную науку о человеке и его культуре, делят на два большие раздела: антропологию «физическую» и антропологию «культурную»⁷. Задачей первой является изучение физического строения человека, антропогенеза. «Культурная антропология» определялась и определяется до сих пор как комплекс, «интеграция» дисциплин: археологии, лингвистики, этнологии, этнографии, фольклористики, изучающих в своей совокупности культуру народов. Однако в определении культуры нет единства, существует множество ее определений⁸. Они менялись на протяжении истории науки в зависимости от теоретической ориентации того или иного ученого. До 1930-х годов в общем преобладало известное определение культуры Э. Тэйлора, согласно которому: «Культура, или цивилизация, в широком этнографическом смысле складывается в своем целом из законов и обычаев и некоторых других особенностей и привычек, усвоенных человеком как членом общества»⁹. На основании этого определения культура изучаемого народа изображалась в виде комплекса элементов, соединенных случайностями диффузии и заимствований. Позднее под влиянием английской функциональной школы стало распространяться «холистическое» понимание культуры как целостности, как «организма», все части которого функционально взаимосвязаны. В 1950-е годы, наряду с определениями культуры как образа

¹ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, М., 1955, стр. 3.

² Th. S. Northrop, *Philosophical anthropology and practical politics. A prelude to war or just law*, New York, 1960; J. F. Donceel, *Philosophical anthropology*, New York, 1967; W. Bruning, *Philosophische Anthropologie*, Stuttgart, 1960; M. Landmann, *De Homine*, München, 1962. См. критику философского антропологизма: И. И. Антонович, *Современная философская антропология (Критический очерк)*, Минск, 1970.

³ К. И. Gulian, *Problematika omulii (essen de anthropologia filozofica)*, Bucuresti, 1966; M. Prucha, *Kult cloveka*, Praha, 1966.

⁴ D. S. Marshall, *General anthropology: strategy for human science*; L. Thompson, *Steps toward a unified anthropology*; «Current anthropology», vol. 8, № 1—2, 1967.

⁵ A. R. Radcliffe-Brown, *A natural science of society*, Glencoe, 1957.

⁶ R. Redfield, *Relation of anthropology to the social sciences and humanities*, «Anthropology Today», Chicago, 1953, p. 728—738; «Anthropology among the disciplines...», «Current anthropology», vol. 4, № 2, 1963.

⁷ J. A. Giffon (ed.), *Introduction to cultural anthropology. Essays in the scope and methods of the science of man*, Boston, 1968.

⁸ A. L. Kroeber and C. Kluckhohn, *Culture: a critical review of concepts and definitions*, «Papers of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology», vol. XLVII, № 1, 1952; A. C. Saifana, *A formal analysis of definitions of culture*, «Essays in the science of culture», in honor of L. A. White, New York, 1960, p. 111—129.

⁹ Э. Тэйлор, *Первобытная культура*, М., 1939, стр. 1.

жизни (человечества в целом и как образа жизни данного народа в данное время), начали появляться идеалистические толкования культуры как абстракции из поведения людей. Но, несмотря на теоретические расхождения в определениях культуры, в практической своей деятельности «культурные антропологи» одинаково изучали бытовое устройство, обычаи, обряды и верования отсталых народов (и прежде всего американских индейцев). Их исследования убедительно свидетельствуют о том, что большинство ученых США под культурой понимает всю совокупность общественной жизни того или иного народа. Именно об этом понимании культуры говорит и выделение ими таких поддисциплин в рамках культурной антропологии, как технология, экономическая антропология, социальная антропология (изучение семейно-родственных институтов и связей), антропология права, политическая антропология (изучение политических институтов и связей) и наконец антропология религии и идеологий (изучение различных сторон духовной жизни общества). Выделение такого количества различного рода «антропологий» свидетельствует лишь о растущей специализации среди этнографов.

Однако необходима оговорка относительно рамок культурной антропологии в современном наиболее распространенном ее понимании. Известно, что такие составные части ее (согласно приведенной выше дефиниции), как археология, лингвистика, фольклористика, в США и в других странах мира развиваются как самостоятельные науки, и ученые этих областей науки называют себя соответственно археологами, лингвистами, фольклористами. Следовательно, на долю «культурных антропологов» приходится этнография и этнология. Этнология, этнография и культурная антропология в США являются практически синонимами (хотя некоторые ученые и считают этнографию описательной наукой, этнологию — обобщающей). Не случайно наши заокеанские коллеги называют себя то антропологами или культурными антропологами, то этнологами или этнографами. Характерный пример этому такие крупнейшие ученые США, как А. Кробер и Р. Лоуи. Первый называл себя этнологом, второй же писал о себе: «Я считаю себя этнографом или историком культуры»¹⁰.

Пока задачи «культурной антропологии» или этнологии ограничивались изучением образа жизни отсталых бесписьменных народов мира, историческими реконструкциями их прошлого бытового уклада, обрядов и обычаев, это стремление к «интеграции» знаний различных наук диктовалось, несомненно, и уровнем этих наук и спецификой источников по первобытной истории. Почти полное отсутствие письменных памятников об этом периоде в истории человечества делало возможным его изучение лишь на основе данных разных наук — антропологии, этнографии, археологии и лингвистики. Но в большинстве европейских стран и в России тесное сотрудничество этих наук в области изучения первобытности не повело к пониманию их как разделов единой науки о человеке — антропологии. В научной практике стран Европы термин «антропология» использовался лишь в смысле физической антропологии, науки естественной, отличной от этнологии как гуманитарной науки, изучающей культуру и быт первобытных народов. Европейские ученые, критикуя англо-американское понимание антропологии, справедливо видят в нем некий анахронизм философского энциклопедизма XVIII в.¹¹ В определении же самого предмета науки между этнологами Европы и культурными антропологами США по существу нет расхождений. Но если в США ученые за последние два десятилетия высказываются за включение в рамки эт-

¹⁰ См.: «An appraisal of anthropology today», Chicago, 1953, выступления А. Кробера, стр. 366, Р. Лоуи, стр. 233.

¹¹ А. Hultkrantz, The aims of anthropology: a Scandinavian point of view, «Current Anthropology», 1968, vol. 9, № 4, p. 304.

нологии, или культурной антропологии, изучения современных народов, то в странах Европы изучение современных народов по традиции считалось задачей фольклора. В ряде стран Европы за последнее время изучение современных народов стало считаться задачей социологии (Голландия, Скандинавские страны). Таким образом, современное определение этнологии, т. е. «культурной антропологии», в США ближе всего соответствует определению предмета этнографической науки в СССР. Как известно, советские ученые видят ее задачи в изучении культуры и быта, этнического и национального развития народов на всех ступенях истории человеческого общества.

Наряду с понятием «культурная антропология» широкое распространение в западной этнографии и социологии, особенно в англоязычных странах, имеет начиная с 1930-х годов понятие «социальная антропология». В Англии ее определение столь же всеобъемлюще, как и «культурной антропологии» в США. Впервые термин «социальная антропология» был употреблен Джеймсом Фрезером в лекции на открытии первой в истории науки кафедры социальной антропологии в Ливерпульском университете в 1908 г. Социальную антропологию он определил как отрасль социологии, изучающую примитивные общества¹². Это определение развивалось в дальнейшем Б. Малиновским, А. Р. Рэдклиф-Брауном и их последователями, подчеркивавшими, что социальная антропология является ветвью сравнительной социологии, изучающей обычаи и социальную структуру «неразвитых» или «примитивных обществ»¹³. Теоретические корни социальной антропологии уходят в социологическую школу Дюркгейма. Вместе с тем свою практическую деятельность «социальные антропологи» связывают с именем Л. Г. Моргана, считая, что своими исследованиями систем родства и свойства¹⁴ он заложил основы их исследовательской практики.

Отмечая, что примитивные общества не имеют письменности и письменных документов, социальные антропологи при изучении их ограничиваются полевыми исследованиями, непосредственными наблюдениями ученых. Сводя понятие историзма к использованию письменных источников, английские социальные антропологи неизменно подчеркивали свой «неисторизм», «аисторизм». Более того, реконструкции прошлой истории отсталых племен этнографами Рэдклиф-Браун называл «псевдоисторическими»¹⁵. Однако один из учеников Рэдклиф-Брауна — Э. Эванс-Причард уже в 1950 г., когда, по его словам: «В стране еще господствовало влияние Малиновского и Рэдклиф-Брауна, чрезвычайно враждебных в отношении истории»¹⁶, выступил против их «антиисторических убеждений».

Уточняя разграничение дисциплин, изучающих первобытность, Рэдклиф-Браун предлагал понимать под этнографией описания бесписьменных народов, под этнологией — реконструкции их образа жизни, под социальной антропologией — теоретическую науку, занимающуюся сравнительным изучением «форм социальной жизни примитивных народов»¹⁷. Однако, как показывают практические исследования английских социальных антропологов, основное внимание направлялось на изучение се-

¹² См. A. R. Radcliffe-Brown, *A structure and function in primitive society*, London, 1965 (6 ed.), p. 2.

¹³ Там же, стр. 4.

¹⁴ M. Fortes, *Kinship and social order. The legacy of Lewis Henry Morgan*, Chicago, 1969; F. Eggan, *One hundred years of ethnology and social anthropology: in «One hundred years of anthropology»*, (I. O. Brew ed.), Cambridge-Massachusetts, 1968, p. 123.

¹⁵ A. R. Radcliffe-Brown. Указ. раб. стр. 3.

¹⁶ E. E. Evans-Pritchard, *Anthropology and history*, in *Social anthropology and other essays*, Glencoe, 1964, p. 172.

¹⁷ A. R. Radcliffe-Brown, *Historical note on British social anthropology*, «*American Anthropologist*», vol. 54, № 3, 1952, p. 275—277.

семейно-родственных отношений и социальных институтов в небольших племенных обществах, что ограничивало применение сравнительного метода и возможности теоретических обобщений. Заслугой социальных антропологов являлась разработка конкретной методики синхронного изучения элементов социальной структуры таких обществ и функциональной взаимосвязи этих элементов, взаимосвязи, обеспечивающей жизнедеятельность и состояние равновесия данного общества в данный, изучаемый ученым отрезок времени. Разрабатывая эту методику, современные ученые Англии (Э. Лич, М. Глюкман, И. Шапера и др.) значительно расширили границы предмета социальной антропологии, включив в круг своих исследований современные классовые и раннеклассовые общества Америки, Африки и Азии и отойдя от крайнего антиисторизма своих учителей¹⁸.

Между «культурными антропологами» США и английскими «социальными антропологами» ведется многолетняя полемика по вопросу о соотношении между их науками. С этой полемикой связаны споры о сущности и соотношении понятий «культура» и «общество». Большинство американских ученых, считая, что «культура» и «общество» — равнозначные понятия и что понятием «культура» охватывается и социальная структура, рассматривают социальную антропологию как часть культурной антропологии, занимающуюся изучением семейно-родственных связей и институтов¹⁹.

Несколько иную позицию в вопросе соотношения «культурной» и «социальной» антропологии занимает известный американский ученый Дж. Стюард. По его мнению, доколумбову культуру индейцев в США изучает «этнология», социальная же антропология должна заниматься «изучением индейских групп, подвергшихся аккультуративным процессам, изучением различных национальных групп и этнических меньшинств»²⁰. Однако среди американских ученых есть и социальные антропологи, считающие себя учениками Малиновского и Рэдклифа-Брауна. Виднейшим из них является Фред Эгган, хотя он значительно отошел от антиисторизма своих учителей. Ф. Эгган справедливо отмечал ограниченность их обобщений, заключая, что провозглашавшийся ими сравнительный метод не получил развития в их трудах²¹. Социальным антропологом считает себя также известный теоретик в современной этнографии США В. Гольдшмидт, но он пытается «синтезировать» идеи английской школы социальной антропологии с достижениями американской «культурной антропологии», создав концепцию «сравнительного функционализма»²².

Английские социальные антропологи в полемике с американскими коллегами высказывали взгляд на культурную антропологию как на часть социальной. Возражая утверждениям американцев, что социальная структура — это один из аспектов культуры, М. Фортес, например, писал: «...социальная структура не есть один из аспектов культуры, это — вся культура в целом»²³. По Рэдклифу-Брауну, культура — это один из аспектов социальной жизни, поэтому изучение ее является частью социальной антропологии²⁴.

В полемике участвовал и видный французский ученый К. Леви-Стросс. К. Леви-Стросс считает себя социальным антропологом, единственным ученым Франции, придерживающимся англо-американской тер-

¹⁸ E. Leach, *Political systems of Highland Burma*, London, 1954; M. Banton (ed.), *The social anthropology of complex societies*, London, 1966.

¹⁹ «An appraisal...», выступление Дж. Мёрдока, стр. 224.

²⁰ Там же.

²¹ F. Eggan, *Social anthropology and the method of controlled comparison*, «*American anthropologist*», vol. 56, № 3, Menasha, 1954; его же, *One hundred years of ethnology and Social anthropology*, p. 142.

²² W. Goldschmidt, *Comparative functionalism, an essay in anthropological theory*, Berkeley — Los Angeles, 1966.

²³ «An appraisal...», p. 222.

²⁴ A. A. R. Radcliff-Brown, *Structure and function...*, p. 5.

минологии²⁵. Он является руководителем кафедры социальной антропологии, созданной в 1958 г. в Коллеж де Франс. В речи на открытии этой кафедры, охарактеризовав социальную антропологию как науку, находящуюся еще в стадии формирования, он определил ее как «таксономию, целью которой является выявление и классификация типов, анализ их составных частей и установление корреляций между ними. Без этой предварительной работы, которая, не будем себя обманывать, едва начата, сравнительный метод, рекомендуемый Рэдклифом-Брауном, рискует оказаться недействительным»²⁶. Социальная антропология (по Леви-Строссу) изучает маленькие племенные общества, но поскольку над ними нельзя экспериментировать, то их необходимо заменять моделями, «системами символов», которыми можно манипулировать. В конечном счете он полагает, что социальная антропология должна изучать символы, создавать идеальные модели социальной жизни. В этом, по его собственному признанию, отличие его определения задач социальной антропологии от несомненно более материалистического определения целей этой науки Рэдклифа-Брауна, который видел их в изучении конкретных фактов, а не их символов, в формулировании на основе непосредственных наблюдений гипотез и проверки их опытом. У английских социальных антропологов Леви-Стросс заимствовал структурно-функциональный метод изучения социальных институтов первобытности, пытаясь развить его в цельную социально-философскую систему взглядов на общество вообще, получившую в общественных науках Запада в 1960-х годах известность под названием «структурализма»²⁷. Английские социальные антропологи выступают с критикой Леви-Стросса за абстрактность его взглядов, подчеркивая, что их исследования всегда связывались с реалиями повседневной жизни²⁸.

Особую актуальность приобрел за последнее время вопрос о соотношении социальной антропологии и социологии. Американские этнографы, полемизируя с английскими, нередко называли их просто социологами. Англичане не возражали против этого и не раз подчеркивали, что социальная антропология — это часть социологии, занимающаяся изучением примитивных обществ. Это различие социальной антропологии как науки о первобытности и собственно социологии, изучающей современные общества, широко распространено среди социологов и этнографов различных стран. Особенно отчетливо это прозвучало на VI Международном социологическом конгрессе, где проблемой соотношения социологии и этнологии была занята специальная рабочая группа²⁹. В Скандинавских странах социальная антропология является частью социологии и обособлена от этнографии. В нашей социологической литературе мы нередко встречаемся с полным отождествлением западных социальных антропологов с социологами. Думается, что это неверно. Большинство социальных антропологов Англии и других стран по характеру своих исследований являются все же скорее этнографами, в нашем понимании, чем социологами. Это признавал в свое время Р. Лоуи: «Я принимаю британских социальных антропологов, — писал он, — за подлинных этнографов, за ученых, целиком посвятивших себя изучению важного аспекта культуры»³⁰.

²⁵ «An appraisal...», p. 221.

²⁶ C. Levi-Strauss, The scope of anthropology, «Current anthropology», 1966, vol. 7, № 2, p. 115.

²⁷ Ю. П. Сенокосов. Дискуссия о структурализме во Франции, «Вопросы философии», 1968, № 6; Л. Сэв, Структурализм. Заметки об одной из сторон идеологической жизни Франции, «Проблемы мира и социализма», 1971, № 5 и № 6.

²⁸ «An appraisal...», p. 109.

²⁹ Ю. П. Аверкиев, На XVIII Международном конгрессе психологов и VI Международном конгрессе социологов, «Сов. этнография», 1967, № 1.

³⁰ R. Lowie, Ethnography, cultural and social anthropology, «American Anthropologist», 1953, vol. 55, № 4, p. 528.

Правда, во Франции нынешняя деятельность в области структурализма К. Леви-Стросса сближает его как социального антрополога скорее с социологами, чем с этнографами. Не случайно во Франции структурализм стал отождествляться с социальной антропологией, и в этой форме последняя начинает находить признание широких кругов социологов.

В настоящее время много говорится и пишется о соотношении этнографии и истории. Трактовка соотношения и границ между этнографией и историей зависит от определений, даваемых учеными истории как науке, от их понимания ее предмета и методов исследования. Так называемая «историческая» школа, господствовавшая в американской этнографии с конца XIX в. до 1930-х годов и нередко называемая «школой Босаса», понимала историю как прослеживание диффузии отдельных черт культуры и заимствование их одними народами у других (так понималась история и диффузионистской культурно-исторической школой в Европе). Эта школа называла себя «исторической», именно так понимая историзм, и в этом отношении была очень близка «исторической» школе права, антиисторизм которой был убедительно показан К. Марксом³¹.

Понимание истории как науки, изучающей ход исторических событий лишь у народов, имеющих письменность, породило представление о существовании народов «исторических», т. е. имеющих историю, и народов «доисторических». Разграничение наук в связи с этим было довольно простым: история — наука о народах исторических, этнография — о народах доисторических.

Теперь уже часто в кругах западных исследователей появляются высказывания против деления народов на исторические и «доисторические». Решающим фактором для подобной трансформации взглядов был выход на международную арену так называемых «доисторических» народов и выступления ученых, вышедших из среды этих народов.

Различие между историками и этнографами видят сейчас прежде всего в характере источников, которыми они пользуются: историки — письменными источниками, этнографы же всецело полагаются на собранные ими в поле данные. В связи с этим полевая работа этнографов рассматривается как основа всей их деятельности.

Появление в американской науке «этноистории» или «исторической этнологии» рассматривается многими учеными как яркое проявление сближения этнографии и истории. Одни понимают это сближение как «интеграцию структурного и исторического подходов» к пониманию культуры, как сочетание диахронного и синхронного методов исследования³².

Историки видят в этноистории историю в широком смысле, включающую в предмет исследования бесписьменные народы³³. Сами же этноистики определяют этноисторию как метод изучения этнического развития того или иного народа на основе сочетания данных письменных источников с археологическими и этнографическими материалами³⁴. Бесспорно то, что этноистики — это наиболее исторически ориентированные этнографы или культурные антропологи США. В то же время, хотя они объединены в своего рода общество, носящее название «Этноисторическая конференция», и имеют свой журнал «Этноистория», нельзя сказать, что они представляют некое единство в теоретическом плане. Но их объединяет историзм в подходе к изучаемым явлениям и метод ис-

³¹ К. Маркс, *Философский манифест исторической школы права*, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, М., 1955.

³² W. Sturtevant, *Anthropology, history, ethnohistory*, «Ethnohistory», 1966, vol. 13, № 1—2, p. 3.

³³ Там же, стр. 6.

³⁴ N. Oestreich Lurie, *Ethnohistory: an «ethnological point of view»*, «Ethnohistory», 1966, vol. 13, № 1—2.

